

Как йети съел лося

Фокин Анатолий Геннадиевич

В юбилейный год съёмки фильма Паттерсона, а в октябре исполняется полвека, как американскому ковбою удалось запечатлеть бигфута, хочется рассказать историю, которая имеет некоторое отношение к другой круглой дате, посвящённой этому событию. Правда, речь пойдёт, не о калифорнийских чащобах, где в объектив Роджера попало человекоподобное существо, а о самых обыкновенных российских лесах. Только наш леший оказался чуть проворнее своего заокеанского собрата, сам в кадр не попал, но остатки трапезы скрыть не сумел. История эта произошла ровно десять лет назад. Но давайте, всё по порядку.

Когда я начинал заниматься поисками снежного человека, то основное внимание уделял лесному массиву Разбойный Бор, который находится на левом берегу реки Вятки. В то время именно оттуда поступало множество сообщений о встречах с йети. Хотя были свидетельства и из других мест. Особенно привлекал внимание район Красной речки. Например, вот что рассказал об этом месте Андрей Скрябин: «Охотился я на вальдшнепов. Вечером, когда на костре варил кашу, обернувшись, увидел огромного человека, очень волосатого с длинной светлой шерстью. Он выглядел, будто из фильмов ужаса. Мимо меня пронёсся словно молния, перепрыгнул через трёхметровую речку и скрылся в зарослях. Я сильно испугался, зарядил ружьё пулями и всю ночь не спал, держал его наготове. С трудом дождался восхода и с первыми лучами солнца побежал на автобус».

Об этой речке было много и других историй. Однажды там произошёл, казалось бы, совсем невероятный случай. Такие явления принято называть «воздействием на психику», а если сказать и по-научному, то была «суггестия». Знакомые егеря рассказали, как они охотилась на лося и, как вместо сохатого, на стрелка выскочило непонятное существо в образе мужика в фуфайке. Сам стрелок чуть с ума не сошёл от увиденного. Вот, что удалось узнать у этого бедолаги: «Стою на номере, жду лося. Начали доноситься крики загонщиков и лай собак. Я приготовился, вскинул ружьё, затаил дыхание, палец положил на курок... Вдруг из леса выскочил здоровенный мужик в фуфайке, да так на меня зыркнул, что я со страху чуть ружьё не уронил - онемел весь. А мужик снова в лес побежал, такой треск раздался, будто танк прошёл. Когда онемение прошло, думаю: это не мужик был...» Как позже выяснилось, у парня произошла подмена образов, глаза увидели волосатое существо, а мозги заглянули и на «экран» выдали мужика в фуфайке. Эту ошибку восприятия он уже потом осознал, всем своим нутром ощутил.

Потом как-то в руки попала статья про Красную речку и тоже необычная... Будто снежный человек сформировался буквально из ниоткуда... Материализовался из пустоты... Очевидцы застали его в тот момент, когда он только начал появляться в нашем бытии. Вот что об этом писала Комсомольская правда: «Есть у нас место у Красной речки, которое всегда считалось нехорошим. Там никогда не косили траву, не собирали грибы, ягоды, и все обходили его стороной. Неподалеку находилась наша деревня, и однажды мы, ребята, опаздывая в школу, решили пройти напрямки по тому месту. Было нас четверо, лет от десяти до двенадцати. Стояла тёплая майская погода, лес распускался зеленью. И едва мы прошли ту речку, как увидели на опушке леса огромную человеческую фигуру ростом метра под три. Он стоял от нас метрах в пятидесяти с громадными широченными плечами, густо покрыт рыжей шерстью, но самое интересное - он был будто бы на большом экране,

то есть он выглядел словно нарисованный на плоскости. Мы, понятно, сильно перепугались и бросились наутёк».

После этой статьи я уже не выдержал, решил заняться этой речкой основательно. Отыскал свидетеля Уланову Н.М., о которой писала Комсомолка, узнал про «нехорошее» место, где в её школьные годы обитал леший и задумал устроить там кормушку. Речка находилась довольно далеко от моей избы, но так как туда вела неплохая дорога, я сразу же принялся за дело. Поскольку все материалы для строительства приходилось таскать на себе, я решил устроить её недалеко от дороги и рядом с речкой, чтобы йети, проходя по берегу, мог учуять устроенную мной приваду.

Кормушку я установил на двух высоких елях, у которых в нижней части стволов торчали, словно штыки, толстые ветки. Эти сучки служили своеобразной защитой от медведей. Мишка для лазанья предпочитает гладкие деревья, на сильно ветвистые стволы ему залезть сложно. Всё было задумано так, чтобы никто из животных, кроме лешего, проникнуть в кормушку не мог. Зимой прикормку я носил двумя маршрутами, один шёл вдоль берега, другой был проложен прямо через тайгу, чтобы наблюдать, как за берегом, так и за лесом. В кормушку я обычно насыпал овёс, который считался основной приманкой, а рядом для запаха ставил баночку с мёдом. Поскольку кормушка располагалась недалеко от реки, дополнительно выкладывал в неё ещё и рыбу. Когда этой гремучей смесью я набивал рюкзак и тащил к своей кормушке, лыжню постоянно пересекали лосиные следы. Здесь проходила мощная лосиная тропа и следов в этом месте всегда было предостаточно. Один раз в месяц я навещал и проверял кормушку. Так незаметно пролетела зима.

Наступила весна, стал таять снег, с полей потекли ручьи и начали вскрываться реки. На Красной речке половодье только начиналось, в заводях держался лёд, хотя берега были уже сухими. Уровень воды был высоким, но река оставалась в берегах. Снега в лесу было ещё много, он совсем раскис и стал проваливаться, поэтому к приваде пришлось добираться по

берегу реки. Немного не доходя до кормушки, я увидел багровую от крови поляну. Вначале показалось, что здесь только что произошла схватка хищного зверя с лосем. Кругом валялись лосиные мослы, сломанные ребра и, перешибленный ударом, позвоночник. На костях виднелись частички мяса, остатки жировой ткани и крови. Любой зверь так просто не оставил бы эти объедки, обязательно обглодал бы кости до белизны. Но самое интересное было в том, что на лосиной шкуре не было повреждений, она свисала с костей не рваными клочьями, на ней не было порезов от когтей. Даже с лосиных ног шкуру стягивали словно чулки, без повреждений и драных ран. Лося съели прямо на поляне и не одна из его частей не была утащена в лес, что выглядело тоже довольно странно. Хищники избегают открытых мест, медведь всегда тащит жертву в чащу и там её съедает. Он любит тухлятину, поэтому присыпает труп ветками и, когда появляется запах и мясо начинает подгнивать, приступает к трапезе.

Шкура лежала на берегу, а голова была скинута в воду. Лосиные рога, торчащие из воды, наводили на мысль, что лось нашёл свою смерть в вначале зимы. Сохатый в декабре-январе всегда «сбрасывает» рога. Уже потом, вместе с опытными егерями, удалось восстановить картину произошедшего. Вероятно, случилось следующее: зимой лося ранили охотники, но он сумел от них уйти. Со временем состояние лося ухудшилось, он переходил речку и совсем ослаб, упал и умер. Труп всю зиму пролежал под снегом, словно в холодильнике. С наступлением весны берега речки оттаяли и труп обнажился. Вдоль реки по берегу шла пара реликтовых гоминоидов, они увидели вытяявшего лося и съели, оставив от лося рожки да ножки. После множественных консультаций мы всё же пришли к выводу, что это была пара гоминов. Также было установлено, что никакого медведя здесь не было, на открытую местность они в это время года стараются не высовываться. Если бы это был медведь, то он обязательно вышел бы из леса и наставлял бы здесь кучу следов. Вдоль речки в лесу лежал снег, я обошёл всё вокруг, но наст везде был не тронут. Да и сама поляна, на которой разыгралась кровавая сцена, была словно утоптана босыми ногами, следов от когтей не было. Чтобы съесть лося, медведь стал бы его ворочать, оставил бы в земле не дырочки от когтей, а целые борозды, перепахал бы поляну.

Чтобы снять шкуру с крупного животного, нужно кроме силы иметь режущий инструмент. Охотники, например, пользуются лезвием остро отточенного ножа. Медведь лезвий не имеет, но зато у него есть когти. Обычно задними лапами мишка приступает тушу, прижимая её к земле, а передними тянет шкуру, впиваясь в неё когтями. При этом он разрывает шкуру, оставляя от неё лохмотья. Иногда, в неудобных местах, чтобы отделить шкуру от туши, медведь скатывает её валиком, пользуясь передними лапами. Когти он убирать не умеет, поэтому в шкуре всегда остаются дыры. Здесь же шкура лежала неповрежденной, было хорошо видно, что её стягивали руками, никаких прорезей в ней не было. Чтобы с силой тянуть шкуру, нужен хороший упор. В качестве упора гомины использовали растущую на берегу ольху. Заднюю часть шкуры вместе с хвостом они закрепили за дерево, обмотав вокруг ствола. Причём захлестнули её по-особому, получился своеобразный узел. А медведь, как мы знаем, узлов вязать не умеет.

Когда я вышел на поляну, голова сохатого лежала в воде. После того, как закончилось пиршество, голова была сброшена в русло и её скрыла вода. В реке водятся много раков и налимов, любителей мясных деликатесов. Это они обглодали череп до кости. Другие части тела не были повреждены рыбами, потому что сама туша лежала на берегу. На противоположной стороне реки, прямо напротив поляны, была устроена лёжка для отдыха. Земля там была словно вытоптана, пролежни хорошо выделялись на фоне пожухшей осенней травы. На этой площадке, наевшись мяса, грели своё пузо на весеннем солнышке человекоподобные существа. С неё они наблюдали за остатками трапезы, чтобы никто из животных не смел приблизиться и похитить пищу. Лёжка находилась на берегу прямо у реки, её слегка подтапливали паводковые воды. Медведь на открытой местности лежанок не устраивает, его стихия лес, наблюдать он предпочитает из зарослей.

Дерево, вокруг которого была обмотана шкура, всё было поцарапано, но эти царапины не были следами медвежьих когтей. Когти, словно лезвия, прорезают кору, оставляя в ней тонкие и глубокие прорезы. Здесь же на коре были обычные поскрёбы, которые могли остаться от касаний лосиных рогов или от шорканий рук йети и его ногтей. Был только один след с параллельными полосами, но и этот след не напоминал когтевые порезы. Борозды были поверхностными, широкими и неглубокими. Кора у ольхи мягкая, легко сдирается, поэтому царапины, скорее всего, получились от крепких ногтей снежного человека. Снимки я показал опытному егерю-медвежатнику Владимиру Агафонову. Изучив фото, он сказал: «Поскрёбы совершенно точно указывают, что лося раздирал не медведь, это не его когти».

Убедившись, что медведя здесь не было, я отправился к кормушке, до которой оставалось метров сто. Кормушка находилась в лесу, где ещё повсюду лежал снег. Вокруг кормушки следов не было, в этот раз к ней не приходил ни медведь, ни йети. Овёс в поддоне оставался нетронутым, банка с мёдом стояла рядом. Досыпав в кормушку овса, я вернулся домой.

Через десять дней я вновь собрал рюкзак и отправился к кормушке. Весна к тому времени замедлила ход и приостановилась. Не доходя до Красной речки у самого леса, я увидел медведя. Ветер дул с противоположной стороны, поэтому унюхать меня он не мог, но шаги мои слышал. Я остановился и замер. Мишки плохо видит, когда объект неподвижен. Он начал принюхиваться и встал на задние лапы... но, услышав звук затвора фотоаппарата, почуял что-то неладное и решил удалиться в чащу. Я продолжил свой путь, вышел к Красной речке и побрёл вдоль кромки леса. На подходе к поляне, где йети съел лося, сразу же бросились в глаза медвежьи следы. Этим медведем они были оставлены или другим, понять было сложно, я не принюхивался... но каково было моё удивление, когда, выйдя на поляну, я не увидел шкуры лося. Вода в реке заметно спала, поцарапанное дерево всё так же

нависало над рекой, но шкура исчезла. Поляна была пуста, на ней чётко виднелись медвежьи следы, но шкуры не было. Кругом всё так же валялись кости, но они уже были до белизны обглоданы и обгрызены. Внимательно приглядевшись, я увидел следы волочения шкуры. Они уходили в лес. Вероятно, после того, как снежные люди съели лося и покинули поляну, доедать объедки пришёл медведь. Мишка догрыз всё, что ему оставили йети, а единственный трофей – шкуру, утащил в лес. Никто другой взять её не мог. Охотникам она не нужна, в лучшем случае они отрубили бы рога, взяв на сувениры. Я покинул поляну и пошёл к кормушке. В лесу всё ещё лежал снег, который весь был испещрён медвежьими следами. Лишь одинокая цепочка следов вела к кормушке.

Уже издалека я понял, что в кормушке побывал топтыгин. Она была разбита его мощными лапами, щепки валялись рядом. Медведь пытался обломать торчащие ветки и взлезть на дерево. Следы от когтей хорошо были видны на стволе. Когти прорезали кору и врезались в дерево, оставив узкие и глубокие прорезы, из которых сразу же начала сочиться смола. Когда забраться наверх у него не получилось, он встал на задние лапы и начал ими бить по кормушке до тех пор, пока не разбил поддон и не вытряхнул из него всё содержимое. Он умудрился раздолбать не только многослойную фанеру, сломать стойки и вытряхнуть овёс, но ещё и вышибить банку с мёдом. Почти всё высыпавшееся на землю зерно медведь собрал языком и съел, внизу валялись лишь отдельные крупички и шелуха. Тут же лежала и пустая банка. Она была идеально чистой. Как истинный любитель мёда, мишка тщательно её вылизал. Даже на крышке виднелись глубокие прорезы.

Вернувшись в деревню, я отправился проконсультироваться к егерю, хотелось спросить, куда могла деться шкура? Агафонов подтвердил мою догадку. В его практике были случаи, когда мишка, завалив лося, съедал его, а шкуру прятал в лесу. Егерь мне сказал: «Медведь шкуру не выбрасывает, он её квасит, оставляя её на «чёрный день». Он тащит её метров за 100 или 200 в глухое место, вырывает в земле яму, запихивает туда шкуру и присыпает

землѣй». Агафонов находил такие места, где шкура была прикопана медведем, но вытаскивать не рискнул. Медведь мог не простить такую наглость.

Летом ко мне из Москвы приехали известные гоминологи Игорь Бурцев и Дмитрий Пиркулов. Мы с ними прошлись вдоль Красной речки, побывали на поляне, где йети съел лося, съездили к Н.М. Улановой и записали её рассказ на видео. Потом, снимки съеденного лося внимательно изучили и приняли решение продемонстрировать их в Штатах на научной конференции. Как раз в то время отмечалось сорокалетие фильма Паттерсона. В тех юбилейных торжествах от России принял участие Дмитрий Пиркулов. Его доклад с фото и видеоматериалами оказался очень успешным. В числе представленных им материалов были показаны и эти снимки съеденного лося. Американские коллеги их восприняли, как сказал Дмитрий, настолько доброжелательно, что зал аплодировал стоя. Вот такая история.

07.10.2017г.